

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ ООН И МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД ООН: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ИНТЕРЕСАХ УПРОЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОПОРЯДКА

© 2008 г. Р. А. Каламкарян¹

Международное право, создавая объективные условия (через правило запрета *non-liquet*), при которых Международный суд не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права, обозначает судебное урегулирование как оптимальное средство мирного разрешения всех споров между государствами. В арбитражном решении 1941г. по спору между США и Канадой (*Trail Smelter*) сказано непосредственно следующее: “Международные отношения, основывающиеся на праве и справедливости, предусматривают в порядке своей востребованности судебное разрешение международных споров”². И это понятно. Судебное решение в режиме юридически обязательного предписания (*res judicata*) окончательным образом разрешает спор и тем самым обеспечивает право как совокупность правил должного поведения его субъектов.

Международный суд как юридическая составляющая *Rule of Law* содействует разрешению споров между государствами с целью снятия напряженности между ними и включению их взаимоотношений в нормальное русло обычного поведения субъектов в системе высокого уровня права в обществе. При этом, если каждое выносимое Международным судом решение определяет себя как вклад в дело обеспечения господства права, юридическая обязательность постановлений суда в силу принципа *res judicata* проявляет себя исключительно в отношении конкретных сторон спора (ст. 59 Статута).

Конкретные примеры одновременного рассмотрения Советом Безопасности и Международным судом взаимосвязанных, но вместе с тем отличных аспектов одного и того же спора уже имело место в ряде дел, а именно: “О дипломатическом и консульском персонале в Тегеране”, “Военная и полувоенная деятельность в Никарагуа и против нее”, “О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него”.

В особом порядке здесь выделяется упоминавшееся выше дело относительно вопросов толкования и применения Монреальской конвенции 1971 г., являющееся следствием воздушного инцидента в Локеби.

Практика параллельного задействования Совета Безопасности и Международного суда применительно к одному и тому же спору (в его различных аспектах) имеет научную значимость с учетом повышения роли ООН и ее институтов в современном миропорядке. Уяснение путей взаимодействия Совета Безопасности и Международного суда при разрешении одного и того же спора с учетом его многоаспектности содействует упорядочению процедур по прохождению дела в нормальном режиме должного. А режим этот определяется требованиями господства права.

Взаимодействие Совета Безопасности и Международного суда по изысканию справедливого урегулирования спора осуществляется при общем понимании их равного статуса как двух (из шести) главных органов ООН с собственной юрисдикцией и правомочием определять пределы своей компетенции в соответствии с нормообразующими базисными документами – Уставом и Статутом.

Поступательное движение мирового сообщества в режиме *Rule of Law* однозначно исключает выход Совета Безопасности и Международного суда из режима равенства как главных органов ООН. В той мере, в какой Международный суд не может служить в качестве “стража Устава”, Совет Безопасности не вправе “замораживать” исполнение решения суда и подменять его.

Заявленные доктринальные утверждения, против которых мы выступаем, имеют своих авторов и в этом плане являются в той же степени реальными, сколь и не приемлемыми.

Наиболее известным по своему статусу сторонником признания Международного суда в качестве “стража Устава” выступает М. Беджауи³.

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, главный научный сотрудник Совета по изучению производительных сил при Президиуме РАН, доктор юридических наук, профессор.

² United Nations Reports of International Arbitral Awards. New York, 1951. Vol. 3. P. 1950–1951.

³ *Bedjaoui M.* The New World Order and the Security Council. Testing the Legality of its Acts. Dordrecht, Boston, London, 1994. P. 105, 127–130; *Bedjaoui M.* Du controle de la legalite du Conseil de Securite // *Nouveaux Itinéraires en Droit: Recueil d'études en l'honneur du professeur Francois Rigaux.* Brussels, 1993. P. 69–110.

Международный суд из органа по обеспечению права (а именно такова роль суда в системе Rule of Law) превращается в орган по “демократическому надзору над законностью”. Совет Безопасности также попадает в сферу “демократического надзора за законностью”, осуществляемого Международным судом. Между тем наделение Международного суда надзорными функциями никак не согласуется с его ролью главного судебного органа ООН, которому государства в порядке мирного разрешения споров передают их для урегулирования на основе международного права. Предметная направленность правоотношений от Международного суда к Совету Безопасности применительно к выстраиванию его собственного поведения действительно может осуществляться, но исключительно в порядке направления Советом Безопасности в Международный суд запроса о получении консультативного заключения по любому юридическому вопросу (ст. 96 Устава). Соответственно, Международный суд может давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу в ответ на запрос любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы самим Уставом ООН или согласно этому Уставу (ст. 65 Статута). Совет Безопасности и Международный суд, как уже отмечалось выше, равны между собой в их качестве двух из шести главных органов ООН. Тем самым никакой иерархической зависимости здесь нет и быть не может. Позиция доктрины придерживается позиции об отсутствии какой-либо иерархии между Советом Безопасности и Международным Судом⁴.

Однако на общем фоне реальной оценки ситуации применительно к взаимоотношениям по линии Совет Безопасности – Международный суд встречаются утверждения с разной степенью жесткости и объема выдвигаемых в качестве гипотезы новаций о возвышении Международного суда над Советом Безопасности и даже о наделении Международного суда полномочиями по пересмотру (в порядке надзора) резолюций Совета Безопасности. В развитие предлагаемых новаций сильнейшей критике подвергается вполне обоснованное постановление Международного суда по делу Локеби от 14 апреля 1992 г. под предлогом того, что суд якобы пошел на поводу у Совета Безопасности⁵, а сама его резолюция 748 (1992) от 31 марта 1992 г. принята с превышением полномочий *ultra vires*⁶. Более того, некоторые авторы видят в постановлении суда от 14 апреля

1992 г., отказавшем Ливии в установлении временных мер, некий зародыш прямого юридического надзора с правом на пересмотр принятых решений Совета Безопасности по ст. 39 Устава⁷. Между тем, как вынужден признать проф. М. Рейзман в ответ на такого рода утверждения, для Международного суда не представлялось бы простой задачей изыскать надлежащие судебные стандарты по осуществлению пересмотра применения Советом Безопасности полномочий по гл. VII в отношении принудительных мер⁸. И, наконец, вполне обоснованно звучит заключение проф. Ф.Л. Кеджиса⁹: “Совет (Безопасности) является самым лучшим (и в действительности единственным) судьей того, что образует собой угрозу миру в рамках целей гл. VII”. Соответственно ему должны быть предоставлены все необходимые возможности по применению и толкованию тех полномочий по ст. 39. В конце концов, правильно заключает Ф.Л. Кеджис, именно так и предполагалось быть в действительности в ходе конференции 1945 г. в Сан-Франциско при подписании Устава ООН. Многоаспектность предлагаемых (но, вместе с тем, юридически абсолютно несостоятельных) новаций по линии Международный суд – Совет Безопасности требует своего осмысления, поскольку иногда при всей их неприемлемости они несут в себе некое рациональное зерно, вполне пригодное для восприятия.

Профессор Гаагского института социальных исследований Н. Шрайвер¹⁰, ратуящий за установление некоего надзора со стороны Международного суда в отношении резолюций Совета Безопасности, приходит к такому разумному выводу: “Судебный пересмотр решений Совета Безопасности представляется более востребованным, нежели возможным”. Заявка, как мы видим, большая, однако не только действительно нереальная, но и несостоятельная с юридической и практической точек зрения.

Совет Безопасности сам устанавливает угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии (ст. 39). И речь вовсе не идет, чтобы, как справедливо отметила Р. Хиггинс (нынешний судья Международно-

⁴ См., например: *Gowlland-Debbas V.* Op. cit. P.655-658.

⁵ См.: *Tomuchat C.* The Lockerbie Case before the ICJ//The International Commission of Jurists. The Review. 1992. V. 48 P. 38-48; *Franck T.* The Powers of Appreciation: who is the ultimate guardian of UN legality? // AJIL. 1992. Vol. 86. P. 519-523.

⁶ См. на этот счет: *Gowlland – Debbas V.* Op. cit. P. 670.

⁷ См.: *Franck T.* The Powers of Appreciation: who is the ultimate guardian of UN legality? // AJIL. 1992. Vol. 86. P. 519; *Gowlland-Debbas V.* Security Council Enforcement Action and Issues of State Responsibility // ICLQ. 1994. Vol. 43. P. 97; *Bothe M.* Les Limites des Pouvoirs du Conseil de Securite // The Development of the Role of the Security Council. Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 69, 80; *Watson J.R.* Constitutionalism, Judicial Review and the World Court // Harvard International Law Journal. 1993. Vol. 34. P. 1, 22-28.

⁸ См.: *Reisman M.W.* The Constitutional Crisis in the United Nations // AJIL. 1993. Vol. 87. P. 83, 93.

⁹ См.: *Kirgis F.L.* Op. cit. P. 516, 518.

¹⁰ См.: *Contemporary International Law Issues: International Law at a Time of Momentous Change.* Dordrecht, Boston, London, 1994. P. 287-290.

го суда), “декларировать любую ситуацию, независимо от того, какой спокойной она представляется для среднего человека, в качестве угрозы миру”¹¹. Действительно, оценка Советом Безопасности конкретной ситуации осуществляется в объективном режиме реально существующей угрозы миру, нарушения мира или акта агрессии. И данная оценка делает свой правильный вывод Н. Шрайвер, – это политическое решение, которое не может быть пересмотрено Международным судом. Действительно так: Международный суд – это главный судебный орган ООН, и его задача состоит в разрешении всех потенциально могущих возникнуть между государствами споров, а не в осуществлении надзорных функций над решениями Совета Безопасности с перспективой их возможного пересмотра.

Значимость представленного заключения определяется не только тем, что оно исходит из реальных категорий статуса Совета Безопасности, но и твердой уверенностью его соответствия положениям Устава ООН. Без присутствия в Уставе ООН специальных постановлений о полномочиях Международного суда по пересмотру решений Совета Безопасности говорить что-либо в этом направлении юридически и логически не допустимо. Между тем, как это ни странно, утверждения на этот счет раздаются и даже не где-нибудь, а на высоких форумах международных собраний юристов (речь идет о совместном заседании американской и голландской Ассоциации международного права, Гаага, 22–24 июля 1993 г.). Так, голландский ученый Ю. Дуурсма¹² утверждал о необходимости оценки законности резолюций Совета Безопасности, и даже тех, которые приняты в рамках гл. VII единогласно. Выдвинув это юридически несостоятельное мнение, голландский ученый вынужден был констатировать факт отсутствия в Уставе ООН каких-либо малейших намеков на этот счет. Тем самым изложенная доктринальная позиция ученого из Лейденского университета – это не более чем пространное заявление без признаков их юридического обоснования. Однако, поскольку оно в той или иной мере отражает уже имевшиеся утверждения в указанном направлении, мы вновь вынуждены говорить о его научной неприемлемости. Совет Безопасности с учетом возложенной на него главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности сам определяет угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии. Меры, принятые согласно ст. 41 и 42 Устава (не связанные или сопряженные с приме-

нением вооруженных сил), носят юридически обязательный характер для государств и, будучи облечены в форму резолюции Совета Безопасности, подлежат безусловному исполнению. Тем самым Совет Безопасности вносит свой специфический вклад в дело обеспечения господства права, а государства, добросовестно выполняя его решения, укрепляют общий режим правоисполняемости.

Статус Совета Безопасности как политического органа, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, выдвигает его в разряд главной политической составляющей господства права. Вместе с тем такое несомненно высокое положение Совета Безопасности не может служить основанием для утверждений о возможности перенятия им функций Международного суда. В диссертации на тему “Взаимоотношение между главными органами ООН”, защищенной в Женевском университете, Х. Фахер¹³, сопоставляя применение положений п. 2 ст. 94 и п. 1 ст. 36 Устава ООН, выдвигает такого рода мнение: при необходимости исполнения принятого Международным судом решения Совет Безопасности мог бы делать рекомендации в плане разрешения самого спора. Речь, как мы видим, идет фактически о постановке вопроса о целесообразности наделения Совета Безопасности правом “замораживать” исполнение решения суда, заменив его другим. Высказывая свою позицию в порядке гипотезы, ученый осознает, что решение суда призвано положить конец правовому спору. Проблема способна эволюционировать в спор по поводу приведения в исполнение принятого решения Международного суда. Известно, что согласно постановлению п. 2 ст. 94 Устава Совет Безопасности на основе своего собственного решения по приведению решения суда в исполнение принимает соответствующие меры. А поскольку Совет Безопасности не может изменить сущности решения и обязан принять меры по приведению решения Международного суда в исполнение, он в порядке обеспечения свободы в принятии решений мог бы выделить “политический” аспект “правового” спора и довести его до реализации. При обстоятельствах, когда Совет Безопасности примет собственное решение не учитывать зафиксированную в решении суда юридическую часть постановления, он будет нести международно-правовую ответственность. Представленная в докторской диссертации Х. Фахера теоретическая конструкция взаимодействия Совета Безопасности и Международного суда громоздка, сложна для восприятия и юридически абсолютно несостоятельна.

¹¹ Higgins R. The Development of International Law by Political Organs of the United Nations. London, 1963. P. 101.

¹² См.: Contemporary International Law Issues: International Law at a Time of Momentous Change. Dordrecht, Boston, London, 1994. P. 293.

¹³ См.: Fagher H. The Relationship among the Principal Organs of the United Nations. Geneve, 1950. P. 67–68.

Исполнение вынесенных Международным судом решений до последнего времени осуществлялось добровольно сторонами на основе принципа *res judicata* и согласно постановлениям ст. 59 Статута. И само уже это является залогом обеспечения господства права. При обстоятельствах возникновения гипотетической ситуации обратного в действие в соответствии с положениями п. 2 ст. 94 Устава вступает Совет Безопасности. Каковы же конкретно функции Совета Безопасности в такой ситуации? При возникновении обстоятельств, при которых какая-либо сторона в деле не выполняет решений Международного суда, другая сторона вправе обратиться в Совет Безопасности как полномочный орган в такой ситуации по адекватному (в рамках права) реагированию. Совет Безопасности по получении такого запроса, если признает это необходимым, делает рекомендации или принимает решение об осуществлении мер для приведения решения в исполнение.

Процедура, установленная в рамках взаимодействия по линии Совет Безопасности – Международный суд по приведению решения суда в исполнение, предельно упорядочена и урегулирована в правовом плане. Никаких оснований для подмены уже вынесенного Международного судом решения здесь нет. Тем более не может идти какой-либо речи о выделении из уже вынесенного судом решения “политической” его составляющей и о принятии мер по исполнению “политического” аспекта “правового” спора.

Международно-правовая доктрина и практика Международного суда отвергают категорически всякие попытки провести деление споров на политические и юридические. Все споры, могущие на каком-то этапе взаимоотношений государств возникнуть между ними, подлежат передаче в Международный суд. Таково общее требование господства права. Международный суд со своей стороны с учетом правила о запрете *non-liquet* не может отказать вынести решения за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. И суд в полном соответствии с указанным правилом никогда не отказывался от вынесения решения по причине *non-liquet* и тем самым выполнял общее требование *Rule of Law* на этот счет. И далее уже на основе принципа *res judicata* государства осуществляли меры по исполнению решений. Вплоть до последнего времени решения суда исполнялись добросовестно, и причин обращения какой-либо стороны в споре в Совет Безопасности для принятия мер в направлении приведения решения Международного суда в исполнение не было. Это так же положительно для миропорядка на основе господства права, как и сам факт активизации обращения государств в главный судебный орган ООН в последнее время. Государства – члены мирового сообщества осо-

знают очевидные преимущества судебного урегулирования споров.

Действенным примером активного взаимодействия Международного суда и Совета Безопасности в режиме равенства двух органов явилось дело Локеби. Анализ постановления Международного суда от 14 апреля 1992 г. по данному делу представляется востребованным в практике совместного решения конкретной международно-правовой проблемы. И такой конкретной проблемой явилась проблема пресечения актов международного терроризма. В аспекте этой главной проблемы обозначила себя и другая – вытекающая из первой проблема относительно выдачи преступников (экстрадиция). Направленность каждой из названных проблем делала необходимым рассмотрение их соответственно в Совете Безопасности и Международном суде. Раздельное разбирательство обусловлено спецификой функциональной деятельности обоих органов ООН, и в режиме их взаимодействия по обеспечению господства права было выработано справедливое урегулирование ситуации в интересах международного сообщества в целом.

Постановление Международного суда от 14 апреля 1992 г.¹⁴ устанавливало обязательство сторон спора выполнять положения резолюции Совета Безопасности 748 (1992) от 31 марта 1992 г. Юридическим обоснованием предписания суда выдвигались требования ст. 25 Устава ООН, где говорится о том, что “члены Организации соглашаются, в соответствии с настоящим Уставом, подчиняться решениям Совета Безопасности и выполнять их”. Решением, о котором идет здесь речь, является резолюция 748 (1992). Напомним ее суть. Совет Безопасности, констатируя факт невыполнения Ливией резолюции 731 (1992), в рамках своих общих полномочий согласно гл. VII заявил, что нежелание Ливии выступить на официальном уровне с отказом от международного терроризма представляет собой угрозу международному миру и безопасности. А поскольку это так, то начиная с даты 15 апреля 1992г. в отношении Ливии устанавливаются санкции, не связанные с применением вооруженной силы, которые, собственно, и подлежали соблюдению.

Записанные в резолюции 748 (1992) обязательства – это обязательства государств – членов ООН перед всем мировым сообществом, что придает им характер приоритетности. В полной мере осознавая такой характер обязательств по резолюции 748 (1992), Международный суд вполне обоснованно определил их в рамках ст. 103 Устава ООН: “В том случае когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по како-

¹⁴ См.: CIJ Recueil 1992. P. 41.

му-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу”.

Приоритетность обязательств согласно Уставу ООН по сравнению с противоречащими им обязательствами по другим соглашениям является логичным требованием господства права. Право мирового сообщества, каковым без сомнения является право ООН, предполагает преимущественную силу международных обязательств согласно Уставу Организации Объединенных Наций.

Соглашение, обязательства по которому уступают по своей преимущественной силе перед обязательствами по Уставу ООН в случае их противоречия, может быть в принципе любым двусторонним или многосторонним юридическим актом. Таковым по делу Локеби проходила Монреальская конвенция 1971 г. о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации.

Знаковую нагрузку в деле Локеби с выходом со своими последствиями на резолюции 731 (1992) и 748 (1992) несли положения ст. 7 и п. 2 ст. 8 Монреальской конвенции 1971 г., которые устанавливали общепризнанный принцип международного уголовного права – “выдай или накажи” (“aut dedere, aut punire”). Суть принципа ясна: совершившее международное преступное деяние лицо подлежит выдаче запрашивающему его государству или судебному преследованию в самом запрашиваемом государстве. В то время как по своему содержанию наполнению принцип “выдай или накажи” (авторство этого известного принципа признается за Гуго Гроцием, впервые из ученых его упомянувшим в изданной в 1624 г. книге “От права войны к праву мира”) понимается на доктринальном уровне единообразно и разногласий не вызывает, его конкретное научное оформление разнится. Так, в отечественной¹⁵ и зарубежной¹⁶ науке международного права принцип обозначается как “aut dedere, aut punire” (“выдай или накажи”). Между тем полное название принципа, как правильно отмечает Ж. Гийом – “aut judicare, aut punire, aut persequi” (“преследуй, затем, если

необходимо, суди и по проведении разбирательства при признании виновным накажи”)¹⁷.

Фактическое задействие принципа “aut dedere, aut punire” в параметрах дела Локеби шло по линии ссылки Ливии на положения Монреальской конвенции 1971 г. с намерением не выдавать двух совершивших акт международного терроризма своих агентов. Международное вмешательство со стороны мирового сообщества, по версии Ливии, допускалось в рамках ст. 11 конвенции в форме оказания взаимной правовой помощи по судебным делам – и не более того.

Между тем общеизвестно, что международные преступления в виде международного терроризма – а именно таковыми по сути были преступные действия против американского (рейс “Пан Америкен” № 103) и французского (рейс “ЮТА № 772”) гражданских самолетов, повлекшие за собой гибель 440 индивидов, – влекут за собой международно-правовую ответственность государств и персональную ответственность самих авторов преступлений в системе международной уголовной юстиции. Таковым в настоящее время на основе Римского статута 1998 г. выступает Международный уголовный суд. А в 1992 г. (в процессе разбирательства по делу Локеби в Международном суде) выполнение запроса США и Соединенного Королевства о выдаче двух совершивших международное преступное деяние ливийских агентов отвечало требованиям международного правосудия. Судебное разбирательство в стране, участвовавшей в актах международного терроризма и выразившей нежелание заявить на официальном уровне об отказе от международного терроризма (как того требовала резолюция 731 Совета Безопасности от 21 января 1992 г.), было бы лишено всякого юридического смысла.

Предписанное резолюцией 731 (1992) обязательство по отношению к Ливии выдать двух своих агентов было подтверждено резолюцией 748 (1992), которая заявила о преимущественной силе обязательства по выдаче преступников над обязательствами по Монреальской конвенции 1971 г. (в принципе допускавшей согласно правилу “выдай или накажи” возможность не осуществлять экстрадиции). Признать такую возможность значило бы поставить под сомнение весь смысл “права ООН”, важным фактором дееспособного существования которого являются постановления ст. 103 Устава ООН о преимущественной силе обязательств по Уставу над находящимися в противоречии с ними обязательствами по другим соглашениям.

¹⁵ См., например: Международное уголовное право / Под общей ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 57–68, 108–126, 237–247; Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. М., 2002. С. 56–57; Костенко Н.И. Международный уголовный суд. М., 2002. С. 145–152; Его же. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М., 2002. С. 334–345.

¹⁶ См.: Bassiouni Ch. Lutte internationale contre le terrorisme: quelques principes d'action proposes // Revue internationale de la police criminelle. 1981. V. 37. P. 47–58.

¹⁷ Guillaume J. Terrorism et le droit international // RCADI. 1989: III. T. 215. P. 354.

Позиция Международного суда по взаимодействию с Советом Безопасности в рамках общей задачи по обеспечению господства права помимо подтверждения обязательств государств – членов ООН по резолюции 748 (1992) как приоритетных по своему характеру проявила себя фактически в отказе запроса Ливии от 3 марта 1992 г. об установлении временных мер по ст. 41 Статута. Поданное Ливией письменное заявление на основе п. 1 ст. 40 Статута обосновывалось существованием спора по смыслу п. 1 ст. 14 Монреальской конвенции 1971 г. Таким образом, вместо выполнения резолюции Совета Безопасности 731 от 21 января 1992 г. Ливия при явном злоупотреблении при обращении к судебной процедуре инициировала возбуждение дела в суде с намерением через постановление суда о временных мерах уйти от выполнения предписаний резолюции Совета Безопасности 731 (1992), а впоследствии и резолюции 748 (1992).

Заявленная в постановлении Международного суда от 14 апреля 1992 г. невозможность при имеющихся обстоятельствах вынести постановление о временных мерах отвечает требованиям правосудия и отсюда всецело вписывается в постулаты господства права. Как представляется, самого юридического основания для обращения в суд по предмету существования спора не было. Упоминание в п. 1 ст. 14 Монреальской конвенции 1971 г. спора по применению и толкованию конвенции как основания для обращения в суд не могло служить законным юридическим поводом по представлению заявления о возбуждении дела. Вместо спора по смыслу п. 1 ст. 14 Монреальской конвенции имела место ситуация противостояния мирового сообщества с государством (имеется в виду, разумеется, Ливия), которое, будучи замешано в совершении актов международного терроризма, намеренно игнорировало решения Совета Безопасности и категорически выражало свое нежелание отказаться на официальном уровне от международного терроризма. Реакция Международного суда по непринятию постановления о временных мерах адекватно отражала его намерение не устанавливать трудностей на пути осуществления Советом Безопасности принудительных мер по гл. VII Устава ООН.

Взаимодействие Международного суда и Совета Безопасности в деле Локеби показало готовность двух главных органов ООН предпринимать координированные (каждый с учетом возложенной на него миссии) усилия по обеспечению господства права. Исследование дела Локеби вносит существенный вклад в дело создания целостной картины деятельности Совета Безопасности и Международного суда в новых параметрах последовательного (по времени) задействования двух органов ООН различными аспектами одного и того же спора. И новация исследования состоит в

том, что, в отличие от таких дел, как дело “О дипломатическом и консульском персонале США в Тегеране” или дело “О военной и полувоенной деятельности в Никарагуа и против нее”, последовательное обращение в Совет Безопасности и впоследствии в Международный суд по различным аспектам одного и того же спора осуществлялось не одним и тем же государством, как ранее, а противоположными сторонами спора.

Одновременное задействование Совета Безопасности и Международного суда по одному и тому же вопросу вполне возможно и допустимо с точки зрения современной юриспруденции. Каждый из обозначенных здесь органов имеет свою сферу деятельности: один – в политической (Совет Безопасности), а другой (Международный суд) – в правовой области. Деятельность обоих органов направлена на обеспечение господства права, и с учетом этого обстоятельства ни один из них не обязан воздерживаться от разбирательства по делу, одновременно рассматриваемому другим органом. Соответственно, Международный суд при обстоятельствах соблюдения всех должных процедур по возбуждению дела может заниматься присущими ему аспектами одного и того же дела, что в данное время (но уже применительно к другим его аспектам) находится на разбирательстве в Совете Безопасности. В свою очередь Совет Безопасности в рамках своих полномочий по гл. VI может делать рекомендации в отношении надлежащих процедур и средств урегулирования (п. 1 ст. 36 Устава). И из всех обозначенных в ст. 33 Устава средств мирного урегулирования судебное разбирательство признается оптимальным с точки зрения господства права. В этом плане вступление Международного суда в рассмотрение своей части конкретных аспектов этого же дела вполне реально, коль скоро оба органа содействуют быстрейшему разрешению спора. Ведь именно в этом и состоит главная цель господства права.

При обстоятельствах перехода ситуации в параметры гл. VII в процесс взаимодействия Совета Безопасности и Международного суда включаются особенности особого порядка. Существование этих особенностей, обусловленное необходимостью принятия принудительных мер (в связи с существованием угрозы силой, применения силы или акта агрессии), делает невозможным осуществление Международным судом каких-либо действий по воспрепятствованию выполнению возложенной на Совет Безопасности главной ответственности за поддержание международного мира и безопасности. В той мере, в какой действия Международного суда не затрудняют осуществления Советом Безопасности возложенной на него миссии, они вполне допустимы. Логика сказанного объясняется просто. На Совет Безопасности и Международный суд возложены согласно Уставу

и Статуту свои особые (специальные) задачи, и каждая из них (политическая и юридическая) осуществляется в режиме единства и взаимодействия с перспективой поддержания Rule of Law в мировом сообществе. Дело Локеби дает нам конкретный пример того набора действий Международного суда, которые в режиме невоспрепятствования осуществлению Советом Безопасности принудительным мер по гл. VII Устава ООН могут быть приняты судом. Так, Международный суд по решению большинства присутствующих судей (ст. 55 Статута) может своим постановлением со ссылкой на конвенционные и обычные международно-правовые нормы утвердить права Ливии не выдавать Соединенным Штатам и Соединенному Королевству двух агентов (граждан Ливии), совершивших акт международного терроризма. В порядке применения принципа “выдай или накажи” Ливия в этом случае получила бы то, чего она, собственно, добивалась по суду – осуществлять судебное разбирательство сама. Международный суд, далее также в режиме невоспрепятствования осуществлению Советом Безопасности принудительных мер по гл. VII на основе принятого постановления может установить обращенное ко всем участникам спора обязательство воздерживаться от действий по осложнению ситуации. Вполне реально принятие постановления об учреждении временных мер по охране прав каждой из сторон спора, а также постановления о допустимости рассмотрения дела относительно толкования Монреальской конвенции 1971 г. (последнее как раз и было заявлено в постановлении суда 1998 г.)

Общий позитив сказанного таков. Совет Безопасности и Международный суд уже сейчас успешно взаимодействуют в деле построения миропорядка на основе господства права. При этом, как справедливо отмечается в доктрине международного права¹⁸, взаимодействие между двумя главными органами ООН призвано осуществляться с должным учетом полномочий каждого из них. Речь идет о недопустимости вхождения в сферу надзорных функций. Это и понятно. Совет Безопасности и Международный суд имеют собственные области своей деятельности, являются независимыми и в этом смысле полными органами в системе ООН. Каждый из них играет свою собственную роль в миропорядке на основе господства права. Совет Безопасности определяет себя в качестве политической составляющей господства права и согласно Уставу ООН несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Международный суд как главный судебный орган ООН содейству-

ет мирному разрешению международных споров, помогая снять напряженность между государствами и ввести их взаимоотношения в нормальное русло упорядоченности на основе права и всестороннего сотрудничества. Наглядным свидетельством понимания государствами значимости Международного суда в системе миропорядка на основе господства права являются следующие два имеющие большую смысловую нагрузку факта. Первый. Общее количество государств, выступивших с односторонними декларациями о признании обязательной юрисдикции суда в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута достигло 64¹⁹. В особом порядке здесь следует указать на представление в самое последнее время деклараций о признании обязательной юрисдикции Международного суда четырьмя странами Восточной Европы, а именно: Польшей (21 сентября 1990 г.), Эстонией (21 октября 1991 г.), Болгарией (24 июня 1992 г.) и Венгрией (7 октября 1992 г.)²⁰. Вторым важным фактором в плане осознания государствами значимости процедуры судебного разбирательства в общей конструкции господства права является отказ от автоматической оговорки при признании обязательной юрисдикции Международного суда на основе односторонней декларации согласно п. 2 ст. 36 Статута. Обозначающая себя как резервируемое государством право не признавать обязательной юрисдикции Международного суда по спорам, которые по существу входят в область национальной компетенции, как она понимается или определяется данным государством, данная оговорка является юридически несовместимой с самим существом декларации в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута и в этом качестве понимается таковой как в российской, так и в зарубежной науке международного права²¹. Позитивная тенденция, проявившаяся в отказе государств от “автоматической” оговорки при выступлении с декларацией о признании обязательной юрисдикции Международного суда, подтверждается следующими цифровыми параметрами: из десяти первоначально сделавших такую оговорку государств (США, ЮАР, Франция, Индия, Либерия, Мекси-

¹⁹ См. *Annuaire 2002–2003. CIJ. La Haye*, 2003. P. 127.

²⁰ См.: *Lamm V. Quatre nouvelles declarations d'acceptation de la jurisprudence obligatoire de la CIJ 'emanant d'Etats d'Europe centrale (Bulgarie, Estonie, Hongrie, Pologne) // RGDIP. 1996. T. 100. № 2. P. 335–367.*

²¹ См.: *Каламкарян П.А.* Указ. соч. С. 7–46; *Lamm V. Op. cit.* P. 359–362; *Rule of Law. H.M. Macdonald, Th.F. Green, A.L. Harding, S.W. Jackson. Ed. With an introd by A.L. Harding. Dallas, 1961. P. 71–87; Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Vol. 1 Peace. London, 1992. P. 11; Szafarz R. The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 51–56; Jennings R.Y. Recent cases on “Automatic” Reservations to the Optional Clause // *ICLQ. 1958. Vol. 7. № 2. P. 349; Waldock C.H.M. The Plea of Domestic Jurisdiction before International Legal Tribunals // BYBIL. 1954. Vol. 31. P. 135.**

¹⁸ См., например: *Contemporary International Law Issues: International Law at a Time of Momentous Change. Dordrecht, Boston, London, 1994. P. 284.*

ка, Малави, Филиппины, Пакистан, Судан) к настоящему времени осталось только пять (Либерия, Малави, Мексика, Филиппины, Судан)²².

Принятие обязательной юрисдикции Международного суда на основе односторонней декларации согласно п. 2 ст. 36 Статута суда призвано проходить в рамках общих требований принципа добросовестности. Декларации в соответствии с п. 2 ст. 36 не должны содержать каких-либо оговорок, фактически сводящих первоначальное обязательство о признании обязательной юрисдикции суда к нулю. Объект и цель декларации о признании обязательной юрисдикции Международного суда подлежат абсолютному соблюдению.

Процесс продвижения человечества к миропорядку на основе господства права сопряжен не только с повышением уровня права в обществе, но и с включением в круг субъектов международных правоотношений новых фигурантов. В этом плане можно говорить о расширении регулятивного воздействия международного права по кругу участников. Давая характеристику состоянию международных отношений на современном этапе, проф. Р.Ж. Дюпи²³ говорит о “мондиализации” (в смысле универсализации на мировом уровне. – Р.К.) и дублирующей ее глобализации. “Мондиализация” применяется по отношению ко всему миру: она обязывает государства выходить за рамки простого соседства, в полной мере учитывать их ответственность в организации их отношений на мировом уровне. В том что касается глобализации, то здесь требуется передача на универсальный уровень проблем, которые до сего времени, как представлялось, могли бы быть разрешены посредством соглашений, заключенных между специально в этом заинтересованными сторонами. И уже как заключение звучит замечание Р.Ж. Дюпи о том, что государства сегодня переходят от взаимозависимости к совместной зависимости, которая поглощает их общей проблематикой.

Как бы ни обозначался процесс развития современной системы международных отношений – “мондиализация” или глобализация, ясно одно: естественный процесс эволюции человеческой цивилизации рождает новых субъектов международных правоотношений, которые призваны совместно со “старыми” субъектами международного права осуществлять все от них зависящее в плане установления дееспособного режима господства права.

Проявляющие себя новые элементы современного миропорядка нашли свое отражение в

понимании Международным судом необходимости большей гибкости при рассмотрении дел. И это понимание было вполне обоснованно подмечено авторитетными представителями науки международной юриспруденции, в частности проф. Женевского института международных исследований Ж. Аби-Саабом и судьей Международного суда, проф. Ж. Гийомом²⁴. Материализация позитивных тенденций в деятельности Международного суда шла по ряду конкретных направлений. Во-первых, суд стал более благосклонно относиться к процедуре разбирательства в камере (п. 1 ст. 26 и ст. 29 Статута и ст. 91–93 Регламента); во-вторых, суд в своей позиции по институту вступления в дело (ст. 62 Статута) показал весьма значительный уровень гибкости в оценке объекта спора (*petitum*) и самого применимого права. Так, в деле “О морской и сухопутной границе” между Сальвадором и Гондурасом (1986–1992 гг.)²⁵ суд в своем постановлении (впервые в истории Постоянной палаты международного правосудия и Международного суда) единогласно счел возможным удовлетворить просьбу Никарагуа о вступлении в дело. Суд вполне обоснованно подтвердил существование “интереса правового характера” в том, что касается последствий принятого решения. Посчитав просьбу Никарагуа о вступлении в дело как полностью отвечающую требованиям ст. 62 Статута, суд признал допустимым представление Никарагуа письменного заявления и устных замечаний по делу²⁶. Тем самым Никарагуа в рамках своего статуса вступающего в дело государства могла уже законно воспользоваться правами, предоставляемыми согласно ст. 85 Регламента. Прагматический переход к оценке существования “интереса правового характера” был продиктован заинтересованностью суда обеспечить в максимально приемлемой легитимной форме защиту субъективных прав любого государства – члена мирового сообщества и в плане общей нацеленности на достижение справедливости всецело вписывался в общую конструкцию господства права.

Прагматичность и гибкость в полной мере проявляются в поведении Международного суда при возбуждении дела на основе представления специального соглашения (п. 1 ст. 40 Статута). В то время как обращения в суд через передачу письменного заявления в количественном плане в пять раз превышают случаи обращения в суд на основе специального соглашения, дела, возбуж-

²² См.: *Lamm V.* Op. cit. P. 360–361.

²³ См.: *Dupuy R.J.* Le dedoublement du monde // RGDIP. 1996. T. 100. № 2. P. 313–323.

²⁴ См.: *Abi-Saab J.* L'orientation de la CIJ. – *Reflections sur quelques tendances recentes* // RGDIP. 1992. T. 96. P. 217–236; *Guillaume J.* The Future of International Judicial Institutions // ICLQ. 1995. Vol. 44. № 4. P. 848–863.

²⁵ См. подробнее: *Rosenne Sh.* Intervention in the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 177–185.

²⁶ См.: ICJ Reports 1990. P. 92.

денные посредством письменного заявления, примерно на 40% (среди их общего количества) прерываются как следствие подачи предварительных возражений. А это, естественно, создает дополнительные трудности для разбирательства, которые суду приходится преодолевать. И он их преодолевает в режиме быстрого и справедливо-го производства, еще раз показывая то основополагающее место, которое занимает Международный суд в современном правопорядке.

Демонстрируя разумную гибкость в процессе осуществления производства по конкретному делу (а в обозначенном нами случае возбуждения дела на основе передачи специального соглашения это проявляет себя в определенной свободе проведения процесса), Международный суд своими действиями никак ни умаляет своей роли беспристрастного блюстителя международной законности. И уже в порядке простой фактологической констатации понимания преимуществ быстрого (без излишних задержек через представление предварительных возражений против компетенции суда) разбирательства доктрина международного права отмечает существенный рост числа дел, возбужденных на основе передачи специального соглашения. Так, если в 20-летний период было всего пять таких дел, то уже в 10-летний период их стало семь. Прирост числа дел, возбужденных через передачу суду специального соглашения, говорит как об общей позитивной динамике судебного разбирательства в целом, так и, в частности, в отношении дел, инициированных на основе специального соглашения. В международной обстановке, которая определяется востребованностью установления господства права (*L'Etat de droit*. – *P.K.*), процедура мирного разрешения споров через обращение в Международный суд, справедливо констатирует проф. Университета г. Ренна Л. Марион²⁷, не только снимает сам спор с повестки дня взаимоотношений государств, но и подтверждает общий уровень проявляемого доверия членов мирового сообщества к главному судебному органу ООН.

Произошедшие изменения в процедурных аспектах деятельности Международного суда несомненно носят положительный характер (поскольку объективно увеличивают количество рассматриваемых дел) и вписываются в готовность суда содействовать обеспечению господства права в мировом сообществе.

В то время как система ООН все более вписывается в обозначенные (в первоначальном плане) цели и задачи Организации, повышается и влия-

ние Rule of Law на политический процесс, справедливо отмечает проф. Т. Франк²⁸.

Совет Безопасности и Международный суд на основе Устава и Статута Организации Объединенных Наций проходят свой путь в созидательном процессе по установлению миропорядка на основе Rule of Law и в режиме тесного взаимодействия делают все от них зависящее для осуществления поступательного развития человечества на основе права и справедливости.

Итоговый документ Саммита XXI в., принятый по случаю 60-летия Организации Объединенных Наций, подтвердил курс мирового сообщества на обеспечение постулатов господства права Rule of Law в режиме тесного взаимодействия всех институтов системы ООН, и в частности двух ее составляющих: политического компонента в лице Совета Безопасности и юридического компонента в лице Международного суда. При этом, как справедливо констатируется на авторитетном академическом уровне (профессора Л. Хенкин, Т. Бургенталь, Э. Штейн, А. Ловенфельд, А. Рабин, Л. Б. Сон, Т. М. Франк, Л. Гросс, О. Шахтер, М. Э. О'Коннелл, П. Вейл)²⁹, базовые устои мирового сообщества (суверенность основных фигурантов международного общения – государств; недопустимость угрозы силой и ее применения; полномочия Совета Безопасности в рамках мирного разрешения споров и действий в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии; компетенция Международного суда по всем делам, переданным ему сторонами в режиме открытого суда для всех членов мирового сообщества и по всем предусмотренным Уставом ООН или действующими договорами и конвенциями вопросам) продолжают осуществлять свое регулятивное воздействие на весь ход поступательного развития человечества. Поддержание международной законности и правопорядка обеспечивается через совместный позитив сотрудничества всех членов мирового сообщества в рамках и посредством институтов ООН. Показательно звучит заявление проф. М. Э. О'Коннелл³⁰ о том, что Совет Безопасности и в будущем мироустройстве XXI в. ориентирован на достижение ценностей суверенитета государств в рамках их усилий по поддержанию мира. Действительно,

²⁸ См.: *Franck T.* Fairness in the International Legal and Institutional Systems // *RCADI*. 1993. III. Т. 240. Р. 220–221.

²⁹ См.: *Gross L.* Selected Essays on International Law and Organization. Dordrecht, Boston, London, 1993 // *Politics, Values and Functions. International Law in the 21st Century. Essays in Honor of Professor Louis Henkin.* The Hague, Boston, London, 1997.

³⁰ См.: *O'Connell M.E.* Regulating the Use of Force in the 21st Century: the Continuing Importance of State Autonomy // *Ibid.* P. 444.

²⁷ См.: *Marion L.C.* Op. cit. P. 301.

международный мир как юридически обязательный императив осуществляется в реальности не через создание какого-либо супергосударства (члены мирового сообщества никогда не откажутся, да им и нет необходимости отказываться от признанных по праву суверенных прерогатив) и за счет права (из удобства или целесообразности бытия), а исключительно на основе права. Установление господства права Rule of Law во внутригосударственной и международной жизни членов мирового сообщества представляется оптималь-

ным (с точки зрения средств) и нормальным (с точки зрения методов достижения желаемой цели) вариантом обеспечения мира, безопасности, порядка.

Положения таких исторических документов современности, как Декларация тысячелетия 2000 г. и Декларация саммита 2005 г., прямо предписывают всем членам мирового сообщества соблюдать как внутри страны, так и вовне требования верховенства права.